

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

DOI 10.25991/VRHGA.2018.19.3.028

УДК327

*И. А. Гончаров**

ЛИБЕРАЛИЗМ КАК МЕЖДУНАРОДНАЯ СТРАТЕГИЯ И ПОСЛЕДНИЙ ПРОЕКТ МОДЕРНА

Статья связана с анализом формирования либерализма как международной внешнеполитической стратегии. При этом утверждается, что либерализм представляет собой явление позднего модерна. Для обоснования этого тезиса дается развернутое определение модерна и анализируются практика формирования внешнеполитической стратегии США и особенности американского национализма. В результате этот проект наследует все недостатки модернистских проектов, а именно неспособность реализовать всеобщий идеал в особенном социально-политическом институте.

Ключевые слова: Внешнеполитическая стратегия, экономический либерализм, национализм, модерн, универсализм, всеобщее и особенное.

I. A. Goncharov

LIBERALISM AS THE LAST PROJECT OF MODERNITY

The article deals with the definition of the liberalism as the global international strategy. Here this strategy defines as the modernity project. This idea founded by the definition of modernity and the study of the formation of American foreign policy in the First World War and species of American nationalism. As a result, this project inherits all faults of the modernity projects such as a loosing in the realization the global ideal in the specific social and political practice.

Keywords: Foreign strategy, economical liberalism, nationalism, modernity, universalism, universal and special.

Либерализм как политическая идеология занимает весьма важное место в современной политической практике. Несмотря на противоречивость этой идеологии, следует отметить ее существенное свойство, отличающее ее от иных

* Гончаров Игорь Анатольевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социально-политических наук и международных отношений, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина; Igor_goncharov_2015@mail.ru

форм политического предпринимательства: универсализм. Именно это свойство позволило И. Валлерстайну в работе «После либерализма» свести к этой идеологии и консерватизм, и социализм [3, с. 86–90]. Этот универсализм позволил, в конечном счете, превратить либерализм в глобальную международную стратегию. Причины этого универсализма кроются в содержании либеральной доктрины. Основу экономического либерализма составляла трудовая теория стоимости Д. Рикардо, а ее основу, в свою очередь, — идея труда как единственного и абсолютного создателя ценностей. Так, критикуя физиократов, Рикардо показал, что приращение богатства не зависит от плодородия земли, но связано с ростом интенсивности труда. Абсолютизация труда приводит к тому, что золото рассматривается не как богатство, но его мера. С этим связано появление другой модели, а именно модели золотых точек максимума и минимума. Вкратце сущность этой модели заключалась в следующем: две страны, торгующие друг с другом на неравных условиях (одна импортирует товары, а другая их экспортирует), не могут находиться в неравном отношении постоянно. Это связано с тем, что страна, экспортирующая свои товары, накапливает золото, что приводит к росту цен на внутреннем рынке и сокращению экспорта. Накопление золота имеет предел, после достижения которого страна начинает импортировать товары, поскольку страна-партнер испытывает дефицит золота, что приводит к удешевлению товаров на внутреннем рынке и, как правило, сокращению импорта и увеличению экспорта. В определенный момент эта страна достигает золотой точки минимума, после которой начинает преобладать экспорт дешевых товаров и как следствие — накопление золота. Таким образом, торговля, свободная от государственного протекционизма, создает взаимовыгодные условия и не приводит к обнищанию стран партнеров. Данная схема стала основанием для введения золотого стандарта, т. е. превращение золота в мировые деньги.

Другим элементом экономического либерализма была теория естественного разделения труда, заключающаяся в том, что экономический мир — это огромная мастерская, где производство имеет свою специфику в различных странах, что приводит к т. н. естественному обмену потребительскими стоимостями.

Третьим элементом данной теории был утилитаризм И. Бентама и Дж. Стюарта Милля. В основу нравственности и права И. Бентам положил универсальное стремление человека к счастью, выражающееся в стремлении максимизировать удовольствие и минимизировать издержки [1, с. 4–7]. Таким образом, право основывается на универсальном, позитивном принципе. Экономический либерализм как практика и как стратегия становится идеологией, отрицающей партикуляризм и национализм новых европейских государственных образований.

Как отмечал К. Шмидт, эта концепция мирового пространства была истолкована как универсальное право частного человека, что позволило рассматривать эту идеологию как внутригосударственное противостояние частного и публичного права [8, с. 282–286]

Идея универсального экономического субъекта с его правом на индивидуальное счастье и экономическую свободу в той или иной степени закладывала основу новых моральных ценностей и правовой системы, отрицающей пар-

тикуляризм и национализм. Таким образом, идеология либерализма в своей экономической основе была универсальной, в то время как по форме своего проявления она реализовывалась как частное, т. е. гражданское право.

Принцип суверенитета, сформулированный в свое время Жаном Боденом, как свойство верховной власти провозглашал решение вопросов войны и мира как неотъемлемую часть этого суверенитета. Это означало, что субъектами международного права были только государи, а позднее — национальные государства, конструирующие сферу международных отношений как совокупность партикуляризованных и национализованных. При этом сфера частного интереса, который понимался как право экономического человека, реализовывалась исключительно в рамках национальных государств и ограничивалась соответствующими партикуляризмами. Противостояние частного и государственного интереса, частного и публичного права становится необходимым элементом либеральной идеологии. Выход за пределы ограничений, налагаемых публичным правом на реализацию частного интереса, казалось бы, не имеет другой цели, кроме наиболее полной реализации утилитаристского идеала. Но если внимательно отнестись к аргументации К. Шмидта, то можно отметить глобальную тенденцию в осуществлении частного права. Оно не только стремится отвоевать пространство свободы у конкретного государства, но выйти за его пределы, сформировав некую универсальную мораль и соответствующее ей право, в основе которого — приоритеты *homo oeconomicus*. Это означает, что за пределами национального характера, специфических политических интересов скрывается один и тот же универсальный субъект, появление которого ознаменует новую систему международных норм, опирающихся на простую рациональность утилитаристского идеала. Таким образом, можно отметить, что наряду с модернистскими проектами ницшеанства, классовой борьбы, государственных национализмов, в рамках экономического либерализма формируется пока еще не реализовавшийся модернистский проект универсального права. Здесь, следует уточнить, что понимается в данном контексте под понятием модернистский проект.

Сущность модерна заключается в т. н. антропологическом повороте, провозглашенном Ницше в тезисе о смерти Бога. Таким образом, центральной проблемой модерна становится сущность человека. Но этот интерес не является теоретическим: ответ на него предполагает стратегию коренного преобразования базовых форм воспроизводства человека и общества. В качестве ответа на базовый вопрос модерна конструировались различные типы *homo sapiens*, начиная с *tool making animal* Маркса и заканчивая человеком наслаждающимся Фрейда. Либеральная традиция формирует свой проект модерна, который будет реализован после всех возможных проектов, осуществившихся в рамках авторитарных и тоталитарных режимов. Это, в конечном счете, позволило ему мимикрировать под универсальную идеологию свободного пространства постмодерна.

Наличие ответа на вопрос о сущности человека в глобальном измерении — необходимое, но отнюдь не достаточное условие для формирования полноценной ситуации модерна. В качестве достаточного условия можно представить модель совпадения всеобщего и частного интереса, представ-

ленную в «Философии права» Г. Гегеля. Речь идет о формировании реального государства как института, реализующего человеческую свободу с одной стороны, и являющегося ничем иным как торжеством нравственной идеи. Нравственность здесь выступает в качестве эволюции особенного момента, завершающего свое развитие в торжестве такого всеобщего понятия, как свобода. Государство является абстрактным государством, когда идея свободы является абстрактной, т. е. не положенной в наличности в качестве для себя бытия. Идеальное абстрактное государство становится реальным лишь с появлением института бюрократии, сословия, особенный интерес которого одновременно является и всеобщим интересом [4, с. 329–336]. Решение вопроса особенного и всеобщего становится делом объективного поступательного исторического движения и одновременно — завершением этого процесса. Так формулируется гегелевская концепция конца истории. Таким образом, мы получаем концепт модерна, состоящий из последовательного утверждения трех условий реализации этого проекта, а именно:

1. Наличие определения универсальной сущности человека.
2. Наличие особенного сословия, института, частные цели которого становятся целью всеобщей.
3. Коренное преобразование условий воспроизводства человека, связанное с завершением действия объективных законов истории, и наступление эры господства свободы и разума.

Гегелевская формула становится универсальной и едва ли не целиком охватывает все сущностные проявления модерна как глобального проекта. Достаточно вспомнить формулу Маркса в «Экономически-философских рукописях», где он пишет о том, что особенная роль пролетариата, а именно уничтожение себя как класса, совпадает с исторической целью формирования бесклассового общества [5, с. 58].

Если рассматривать либерализм как внешнеполитическую стратегию в качестве модернистского проекта, то необходимо отметить, что в период своего формирования в XIX столетии он в более или менее ясной форме сформулировал базовые определения сущности человека как *homo oeconomicus*. Что же касается второго пункта, т. е. институционализации проекта в виде социальной группы или иной формы консолидации, то здесь любые попытки сформулировать всеобщую цель сталкивались с практикой, раскалывавшей общество на богатых и бедных, пролетариев и буржуа. В этом отношении либерализм существенно проигрывал социалистическим идеям, в которых в той или иной форме содержалась идея консолидации если не на всеобщем уровне (мировая революция), то, по крайней мере, на национальном (практика т. н. демократического социализма).

Вполне возможно, что этот недостаток либерализма как проекта модерна становится впоследствии его достоинством и предопределяет его успех как определенной внешнеполитической стратегии.

Свое окончательное завершение и формирование либерализм как модернистский проект приобретает не в Европе, но на американском континенте и связано оно с деятельностью Вудро Вильсона. При этом стоит отметить, что этот проект создавался Вильсоном не как профессором-теоретиком, но как

практиком-президентом. Это значит, что эта стратегия не вырабатывалась в кабинете как некая умозрительная схема, что было характерно для множества социалистических идей, но представляла собой комплекс инициатив и компромиссов, вырабатываемых в условиях внешней и внутренней политики США в период Первой мировой войны.

В речах в период предвыборной кампании 1913 г. основной мишенью для критики Вудро Вильсона стали корпорации и дух корпоратизма как таковой. Впоследствии эти речи были выпущены отдельным изданием. Рассматривая корпоратизм с точки зрения морали, права, Вильсон подводит слушателей к мысли, что корпорации являются антидемократическим институтом и отрицательно влияют на политическое и экономическое развитие Соединенных штатов. Но основная цель его речей — освободить потенциальных избирателей от влияния крупных кампаний и избежать т. н. консолидированного голосования. В принципе уже на этом этапе деятельности Вильсона было видно, что для него либерализм с его принципами индивидуализма является своего рода технологией мобилизации избирателей. Существенным отличием его политики стало не т. н. социальное партнерство и система государственной защиты социальных прав трудящихся, но антимонопольное законодательство и как бы возврат к тем временам, когда отношения между работником и работодателем носили непосредственный характер партнерства и взаимного доверия [9, р. 9]. По идее эта стратеги в ее последовательном изложении предполагает превращение каждого работника в потенциального предпринимателя. На этом, собственно, и была основана социальная программа Вильсона, которая должна была быть реализована через антимонопольное законодательство.

Эта внутриполитическая стратегия существенно отличалась от соответствующих стратегий европейских государств, которые прибегали к политике социального партнерства, социального страхования во имя сплочения нации. Так, уже вовремя Первой мировой войны Германия вводит политику военного социализма, а впоследствии создает корпоративную экономику.

Вильсонский либерализм не определяется внешнеполитической стратегией и не преследует целей формирования государства-нации за счет социальной политики, в то время как в Европе именно внешнеполитические стратегии, как экономические, так и политические, приводят к свертыванию либеральных реформ. В связи с этим закономерно было бы задать вопрос о том, в каком качестве предстают США в отношениях со странами Западной Европы в канун и во время Первой мировой войны. С одной стороны, США представляли собой государство среди других государств, на которое распространяются нормы международного права, определяемые через понятие государственного суверенитета. В этом отношении позиция нейтралитета, которую заняли США, да и сам принцип нейтралитета кажутся весьма неустойчивыми в контексте международной модели баланса сил. Эта тенденция отражается в колебаниях США в отношении вступления в войну. Изоляционизм как внешнеполитическая традиция США противоречил той новой роли, которая навязывалась США ее союзниками, в частности Великобританией. Во многом Вильсон выиграл вторые выборы благодаря тому, что под влиянием избирателей вынужден был придерживаться нейтралитета. Это стало одним

из факторов, отсрочивших вступление США в войну. Но в конечном итоге США отказались от неустойчивой позиции нейтралитета и, вступив в войну, примерили на себя наряд национального государства. С определенной долей вероятности можно сказать о том, что европейская политика инфигировала США национализмом.

Как правило, европейский национализм развивался по одному сценарию и был связан со следующими постоянными: формирование родного языка как литературного и государственного, выявление особенностей отечественной истории и обоснование уникальности национального исторического пути; в институциональном плане — формирование национальной системы образования и создание национальной бюрократии.

Так, например, немецкий национализм формируется на основе контраста с универсальностью французского языка. Особенность немцев определялась спецификой их языка, который, в отличие от французского, сохранил практически неизменной свою основу. Эта уникальность была связана с сохранением древних традиций, а нравственность определялась соответствием человека своей природе. Именно это позволило в свое время Фихте заявить о том, что человек, говорящий на немецком языке, склонен к нравственному поведению в большей степени, нежели все остальные народы [7, с. 127–128].

Как видим, модель европейского национализма в его классическом варианте немецкого национализма практически бесполезна при объяснении формирования американской модели. Изначально отпадает языковой национализм с его институциональным оформлением. В отличие европейского национализма с ориентацией на романтическую историю и консерватизм, основой американского национализма стал либерализм с его универсальными принципами.

Основной характерной чертой американца является предприимчивость. Вильсон в своих предвыборных речах говорит о том, что возрождение нации должно начаться снизу, с тех людей, которые ведут каждодневную борьбу с обстоятельствами и побеждают, а это не те, «кто стоят на берегу, но те, которые плывут против течения» [9, р. 80]. При этом предприимчивость американцев не является врожденным качеством, но приобретается каждым гражданином в условиях американской демократии. В каждом человеке заложена универсальная основа в виде *homo oeconomicus*, но национализмы и партикуляризм европейских государственных образований мешают ей проявиться в полной мере. Условием превращения иммигранта в гражданина США является отказ от своей национальной основы и от связи с исторической родиной. «Человек, который считает себя принадлежащим к особой национальной группе в Америке, еще не стал американцем, и человек, корыстно использующий свою прежнюю национальную принадлежность, не достоин жить под звездно-полосатым флагом... Америка создана для того, чтобы объединить человечество» [6, с. 73]. Таким образом, национальность американца — результат некой инициации, второго крещения, в результате которого отрицается уость национального и особенного политического видения мира. Именно поэтому обретенная идентичность становится в позицию старшего брата по отношению к европейским национальным идентичностям, поэтому американцы в большей степени обла-

дают разумением в международных делах «Я думаю об Америке. Наша великая страна должна показать себя в это особое время испытаний нацией, способной более других продемонстрировать бесстрастное суждение, самообладание, разумность в действиях, нацией, которая будет делать то, что является честным, бескорыстным и подлинно полезным для мира в мире» [6, с. 74].

Такое понимание американского национализма определяло и внешнеполитическую стратегию США в период Первой мировой войны. В отличие от Германии, стремящейся к доминированию и контролю на суше, Великобритании, стремящейся сохранить контроль над морем, США выдвигают в качестве стратегии защиту интересов американских граждан. В этом отношении идеология, обеспечивающая внешнюю политику США, существенно отличалась от планов европейских держав, которые не скрывали своего стремления контролировать как можно больше пространства. Стратегия США, казалось бы, не имела ничего общего с геополитическими планами их партнеров. Даже поводом для начала войны послужила вынужденная необходимость защиты своих граждан, во время передвижения по морю подвергавшихся опасности со стороны немецких подводных лодок. Эта позиция позволяла, с одной стороны, совмещать изоляционизм с необходимостью актуализации США на международной арене в качестве суверенного государства, доказывающего свою суверенность с помощью традиционных для Европы «железа и крови»; с другой стороны — занять особое место в антигерманской коалиции. Вступая в войну весной 1917 г., США обладали уже солидным военным и промышленным потенциалом, в то время как главный их союзник — Великобритания, был на грани экономического краха.

Все эти факты очень хорошо известны, но связывала их система идей, формировавшаяся в США на протяжении целого столетия. Именно это мировоззрение позволяло выйти за пределы международного права на основе модели баланса сил и выйти на некий метаяровень, позволяющий создать новую систему измерения и оценки международной политики. Ни одна из европейских внешнеполитических стратегий не была на это способна. Национальная стратегия США была связана с защитой интересов своих граждан. Эти интересы не определялись ни национальными, ни конфессиональными особенностями, но выражали интересы космополитического субъекта, каковым являлся *homo oeconomicus*. Именно таковыми были интересы граждан США, прошедших инициацию, или второе крещение, на американском континенте. Таким образом, национальная политика превращалась в интернациональную. Эта трансформация была обусловлена наличием как бы двойной системы права, а именно публичного и частного. В сфере публичного права формировались национальные стратегии, воплощавшие в себе особенности национального интереса, самосознания, культуры и пр. Эта сфера партикуляризма отделяла частную сферу одного государства от другого, скрывая тем самым подлинную сущность публичности как реализации подлинных и универсальных интересов человека. В этом отношении США воспринимали себя как первую демократию среди других демократий, стремясь в той или иной степени превратить мировую войну в борьбу республиканизма против деспотизма. Поэтому В. Вильсон поначалу придавал такое значение февральской революции

в России. «Великий, великодушный русский народ присоединился во всем своем первозданном величии и мощи к силам, борющимся за свободу в мире, за справедливость и мир. Это достойны партнер в лиге чести» На этом же дипломатическом приеме, как отмечает А. И. Уткин, Вильсон впервые принимает прием, впоследствии превратившийся в основное орудие либерализма: отделил правительство от народа [6, с. 135].

Как видим, переплетение изоляционизма, особенностей формирования американской нации и привитого Европой национализма вкупе с тактикой лавирования между этими константами как во внешней, так и во внутренней политике привели к формированию либерализма как последнего проекта эпохи модерна. Как показали последующие события, либерализм соответствовал всем условиям модернистской идеологии: наличием единой сущности человека каковой являлся homo oeconomicus; наличием особенного института, реализующего всеобщую цель в лице американского государства; возможности построения нового глобального международного порядка, так же связанного с концом истории или, как минимум, европейского этапа в истории международных отношений.

Именно последняя дизъюнкция, связанная с оценкой значения либерализма, позволяет усомниться в успешности последнего проекта модерна. Как нам представляется, именно в этом пункте основные проекты модерна превращались в утопию или начинали работать против своих авторов. Речь идет о смещении тактических достижений со стратегическими. Успех нацистроительства как проекта завершался созданием государства нации и терпел крах при попытке создания глобального порядка. Успех пролетарской революции позволял создать диктатуру пролетариата в одной стране, но марксистский проект также терпел крах при попытке создать глобальный порядок.

Действительно, появление либерализма означало конец европейского мира в системе международных отношений, но не формирование «универсального гомогенного государства» А. Кожева и не «конец истории» Ф. Фукуямы. Можно было бы отмахнуться от последнего аргумента как аргумента «по аналогии» или аргумента a priori типа «все проекты модерна — утопии», хотя для нас в истинности подобного суждения нет сомнений. Но все же попробуем определить причину несостоятельности либерализма как всеобщей стратегии. Речь идет о соотношении индивидуальных и коллективных прав, именно эта проблема является своего рода ахиллесовой пятой обсуждаемой стратегии.

Стратегия защиты именно американских граждан, провозглашенная на заре либеральной идеологии, хоть и формально, но подчеркивает особенности американцев как социальной группы. Но всякая демонстрация особенности коллективных прав, предполагает не что иное, как стремление к доминированию [2, с. 107], а оно, в свою очередь, — возвращение политического отношения на уровень гражданско-правовых отношений, при этом любая иная форма реализации коллективных прав воспринимается как исходящая из не совершенной идеи партикуляризма, поскольку монополия на универсализм априорно закреплена за США и ее гражданами. Именно поэтому всякая попытка реализации идеи всеобщей справедливости будет восприниматься как продвижение национального интереса США, а санкции — как акт агрессии.

Преимущество либерализма как последнего проекта модерна заключается в его порядковом номере, что создает видимость превосходства перед другими проектами и поэтому дает возможность интерпретировать его как постмодернистский проект формирования деполитизированного и деидеологизированного общества. Но противоречия модерна не решаются путем представления глобальных стратегий, поскольку эти противоречия носят сущностный характер и связаны с проблемой натурализации всеобщего интереса в конкретной институциональной практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. — М., 1998. — 416 с.
2. Бэрри Б. Государственничество и национализм: космополитическая критика // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2007. — Т. X, № 1. — С. 102–124.
3. Валлерстайн И. После либерализма. — М., 2003. — 448 с.
4. Гегель Г. Философия права. — М., 1990. — 524 с.
5. Маркс К. Философско-экономические рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. — М., 1974. — Т. 42. — 514 с.
6. Уткин А. И. Дипломатия Вудро Вильсона. — М., 1989. — 320 с.
7. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. — СПб., 2009. — 349 с.
8. Шмидт К. Номос земли. — СПб., 2010. — 670 с. 9. Wilson W. The new freedom. A call for emancipation of the generous energies of a people. — New York, 1918. — 295 p.